

Игорь Алексеевич Виноградов

доктор филол. наук, ст. научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Москва, Российская Федерация)
info@imli.ru

**Н. В. ГОГОЛЬ КАК СЛАВЯНОФИЛ:
СЛАВЯНСКАЯ ТЕМА В НАСЛЕДИИ ПИСАТЕЛЯ**

Аннотация. Как известно, изучением мировой и отечественной истории во многом определялась оценка современной действительности известного русского мыслителя XIX в. П. Я. Чаадаева. Гораздо менее известно, что изучение прошлого с юности занимало и Гоголя — и что впоследствии это увлечение напрямую сказалось в его художественном и публицистическом творчестве. К сожалению, долгое время вопросу о влиянии исторических штудий Гоголя на его художественные образы достаточного внимания не уделялось. Настоящая статья представляет собой одну из первых попыток восполнить этот пробел и показать, как изучение Гоголем славянского и русского прошлого (главным образом по «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина) обуславливало его видение настоящего и будущего России и нашло прямое отражение в целом ряде его творческих созданий: в повестях «Страшная месть» и «Тарас Бульба», в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и в главном творении писателя — поэме «Мертвые души».

Как позволяет судить содержание исторических сочинений Гоголя, его лекций и отдельных набросков, наиболее чувствительной «болевой точкой» писателя в восприятии отечественной истории было переживание одного общеизвестного явления — княжеских взаимных распрей, часто расторгавших русское и славянское единство. Особенность Гоголя как писателя, как художника-христианина, заключалась в том, что, пожалуй, никто не переживал это печальное *locus communis* древнерусской старины так глубоко и остро, как он. В статье на обширном материале показано, что проблема преодоления междоусобных конфликтов, важная для созидания русского и славянского мира, волновала Гоголя на протяжении всей его жизни, став одной из «сквозных» и «узловых» тем творчества.

Ключевые слова: Гоголь, христианство, история, славянство, славянофильство, литература, общество, биография, духовная проза, интерпретация.

В 1847 году, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», Гоголь замечал:

Полный и совершенный поэт ничему не предается безотчетливо, не проверив его мудростию полного своего разума» (VI, 42)¹.

Подчеркивая сознательный характер своего творчества, писатель неизменно указывал, что его произведения составляют «загадку» для читателя (XII, 108; VI, 228). Важное значение в этой связи приобретает изучение мировоззрения Гоголя, в частности, его исторических взглядов. Совсем недавно, благодаря архивным находкам, сложился целый том сочинений, характеризующих Гоголя как историка (VIII, 8–322). Как позволяет судить содержание этого тома, значительное место в нем занимают выписки из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Многочисленные реминисценции из труда Карамзина встречаются также в статьях и художественных произведениях Гоголя [1; 71, 72, 89–104, 112, 140, 168, 255, 323, 329, 361], [7].

Когда же Гоголь мог познакомиться с «Историей государства Российского» и какое значение этот труд мог иметь для его художественного творчества? Обратим внимание на одно из малоизвестных гоголевских произведений. Это незавершенный очерк о славянах, создававшийся в первой половине 1830-х гг. Славянский очерк был использован впоследствии самим Гоголем при написании цикла лекций по истории Средних веков (VIII, 164–166). То, что в качестве отдельной статьи это гоголевское произведение опубликовано не было, и стало причиной «невнимания» к нему читателей и исследователей. Относящиеся к очерку фрагменты долгое время публиковались в собраниях сочинений Гоголя в произвольном порядке, среди других исторических набросков. Лишь в недавнее время обращение к гоголевским автографам позволило определить принадлежность к незавершенной статье о славянах восемнадцати набросков Гоголя (VIII, 11–24).

Главный пафос гоголевского очерка составляет мысль о единстве славянских народов, а наиболее принципиальными положениями являются выводы о многочисленности, богатой одаренности, развитой мифологии, миролюбии и исконной оседлости славян, сравнительно с кочевыми азиатскими племенами; представление о том, что славяне являются коренными, самыми древними обитателями восточной Европы. Таким образом, содержание этого незавершенного произведения опровергает распространенное в го-

голеведении мнение, что будто бы славянофильские взгляды Гоголя объясняются позднейшим влиянием Аксаковых. Сближение Гоголя с Аксаковыми состоялось уже тогда, когда Гоголь как художник и мыслитель вполне сложился, а потому объяснять глубокую осведомленность Гоголя в славянской истории влиянием Аксаковых, очевидно, неправомерно [6], [8]. Текстологический анализ показывает, что в славянском очерке Гоголя находится сразу несколько выписок из «Истории...» Карамзина. Прежде всего Карамзину Гоголь, по-видимому, и обязан своим «славянофильством». Известно, что первые три главы «Истории государства Российского» отведены исключительно истории славянства.

Современная Карамзину историография почти игнорировала славян, и сама славянская история оставалась в то время в значительной мере неизученной. Именно этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что, готовясь к своим университетским лекциям, Гоголь сначала изучает историю славян отдельно — в основном по Карамзину, и лишь затем использует главные выводы своего незавершенного очерка в курсе истории Средних веков.

Совершенно очевидно, что формирование интереса писателя к славянству совершалось независимо от Аксаковых, Хомякова и Погодина. Гоголевские начинания в этом направлении даже опережали вызревание «московского» славянофильства. Известный богослов протопресвитер В. В. Зеньковский, автор двухтомной «Истории русской философии», более полувека посвятивший изучению гоголевского наследия, именно Гоголя — не Аксаковых, не Хомякова и не Шевырева, — называл «зачинателем» славянофильского течения русской мысли². Само формирование славянофильства было отчасти обязано произведениям Гоголя — в частности, выходу в свет в 1835 году повести «Тарас Бульба», восторженно встреченной Шевыревым и Погодиным; впоследствии она прямо способствовала становлению национального самосознания славянства³. Не меньшее значение имела публикация в 1842 году первого тома «Мертвых душ», полемика о котором Константина Аксакова и Белинского

явилась *первым* публичным актом размежевания критиков двух лагерей [8].

Когда же познакомился Гоголь с карамзинской «Историей...» и — следовательно — с первоначальными сведениями о славянах? Самая первая выписка из Карамзина находится в «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии», начатой Гоголем в Нежине в 1826 году (IX, 913). Еще несколько реминисценций из карамзинской «Истории...» встречается в классном выпускном сочинении Гоголя 1828 года, прямо посвященном истории славянства:

В какое время делаются славяне известны по истории, где, когда и каким деяниями они себя прославили до расселения своего и какое их было расселение (VIII, 588, 621).

Несомненно, знакомство Гоголя с «Историей государства Российского» состоялось еще в Нежине в середине 1820 х гг. Но мог ли юноша, пусть одаренный, самостоятельно освоить книгу, рассчитанную на взрослого читателя? Не было ли в этом постижении сложного исторического произведения проводника, наставника, сделавшего для юного Гоголя карамзинское летописание более доступным?

Вообще говоря, самым интересом к прошлому Гоголь был во многом обязан основательной постановке дела преподавания истории в нежинской Гимназии высших наук. Хотя в гимназии были и штатные преподаватели истории, однако первенство в вопросе о влиянии на Гоголя и его соучеников в формировании их интереса к прошлому следует отдать самому директору гимназии Ивану Семеновичу Орлаю. По свидетельству бывшего соученика Гоголя Н. В. Кукольника, Орлай, отличавшийся энциклопедическим образованием, вел с учениками «беседы обо всем»: тут были «и китайцы <...> и греки, и римляне, и все науки, и все искусства». Особо подчеркивал Кукольник влияние Орлая на развитие среди учащихся исторических познаний:

Я помню <...> что П. Г. Редкин и я <...> перевели почти целый том продолжения истории Роллена Кревье⁴. У нас многие гнушались проходить историю по Кайданову⁵. Проходят крестовые походы — все читают Мишо <...> проходят историю тридцатилетней войны — все читают собственный перевод Шиллера. <...> Во

время преподавания истории Римского права были ученики, которые <...> право учили по Римскому своду законов... <...> И всем этим мы были обязаны духу заведения, тому высокому, поэтическому и веселому направлению, которое в воспитанников умел вдохнуть достойный начальник⁶.

Как выясняется, именно Орлай, ученый с мировым именем, бывший лечащий врач Императора Александра I, послужил впоследствии Гоголю прототипом «идеального» школьного наставника Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ» [8]. Устные беседы и сочинения Орлая, в первую очередь, послужили основой формирования славянофильских воззрений Гоголя. Уроженец Карпатской Руси, Орлай самой своей судьбой, своей болью об отторжении части русского народа от общего корня оказал влияние на будущего писателя. Позднее именно карпатскими учеными было установлено, что мысли Орлая о единстве славянских земель и губительности междоусобных раздоров непосредственно отразились в содержании гоголевской «Страшной мести» и в «Тарасе Бульбе», — других материалов по истории Закарпатской Руси и Галиции в то время в печатном виде просто не существовало⁷ [10, 140–141].

«Ретивый славянофил» Орлай (так называл гоголевского учителя его одесский знакомый историк Н. Н. Мурзакевич⁸) был прямым сторонником воссоединения всех славянских народов с Россией. В своей статье «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся» Орлай, в частности, писал:

Чем народ единоплеменнее и более усредоточен, тем он единомысленнее, сильнее и важнее; чем более находится между <n>им иноплеменных, тем более несогласий, неудачи в предприятиях... <...> Поэтому-то гораздо полезнее народ одного племени усредоточить, нежели часть его переселять; гораздо выгоднее смежных единоплеменников соединить, нежели искать владений в отдаленности...⁹

При отмеченной скудости тогдашней литературы по славянской истории неудивительно, что уникальная по своему содержанию «История о Карпато-Россах...» Орлая привлекла внимание Карамзина, который сделал ссылку на это сочи-

нение в пятой главе первого тома «Истории государства Российского». Около того же времени, 26 сентября 1808 года, Карамзин писал А. И. Тургеневу:

Скажите от меня приветливое слово г. Орлаю. Желаю узнать его лично, как достойного человека¹⁰.

Орлай служил в то время ученым секретарем Медико-хирургической академии в Петербурге, так что для знакомства с ним у Карамзина препятствий не было. По свидетельству Тургенева (в пояснениях к цитированному письму), «доктор Орлай предлагал Карамзину также некоторые книги, до Карпато-Русской Истории относящиеся»¹¹.

Как показывает текстологический анализ, для своих выписок из «Истории...» Карамзина Гоголь пользовался первым ее изданием, т. е. изданием в 1818 году ее первых восьми томов. Именно при Орлае в первой половине 1820-х гг. карамзинский труд и выписывался для библиотеки Нежинской гимназии¹². И безусловно, гимназистам, в том числе Гоголю, было небезразлично встретить на страницах столь авторитетного труда имя уважаемого всеми директора — а возможно, даже услышать рассказы Орлая о личных встречах с историографом.

Одной из главных идей Карамзина в первом томе «Истории...» является, как и у Орлая, вывод о пагубности междоусобиц славянских народов, которые, «от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием»¹³. Если обратиться опять к выпискам Гоголя из «Истории...» Карамзина, то, помимо тех, что встречаются в незавершенном очерке о славянах, довольно большое их число также обнаруживают определенную цельность (VIII, 41–70). Содержание этих выписок свидетельствует, что в процессе чтения Гоголем на материале, почерпнутом у Карамзина, был задуман очерк о единовластии, от которого до нас дошло лишь несколько набросков: «О городах», «Внутреннее устройство», «Обычай», «Великий князь», «Влияние упадка Киевского княжения» и др. Главный интерес писателя сосредотачивался тогда на процессе объединения русских земель, а также на роли в этом процессе городов и удельных князей.

Размышления о власти князя и ее пределах являются определяющими и для составленного Гоголем в начале 1830-х гг. по «Истории...» Карамзина очерка «Новгород» (VIII, 65–68). Из истории славян и древнего Новгорода был, по-видимому, взят и сюжет самой «первой прозаической вещи Гоголя» — которая, по свидетельству одного из его товарищей в Нежине, В. И. Любича-Романовича, носила название «Братья Твердославичи, славянская повесть»¹⁴. Позднее именно вражда закарпатских «братьев»-славян Петра и Ивана составила содержание заключительной «повести бандуриста» в гоголевской «Страшной мести» (I, 243–246).

В целом можно заключить, что мысль о государственном единстве красной нитью проходит через исторические штудии Гоголя. Надо сказать, что это прямо отвечало тем задачам, которые ставились перед воспитателями юношества в изучении истории тогдашним правительством.

В народном воспитании преподавание Истории есть дело Государственное,

— писал, в частности, по этому поводу будущий министр народного просвещения С. С. Уваров в 1813 году¹⁵. В. А. Жуковский, назначенный в 1826 году воспитателем Наследника Александра Николаевича, в свою очередь отмечал:

Сокровищница просвещения царского есть история... <...> Она должна быть главною наукою наследника престола¹⁶.

После Нежина новое обращение к Карамзину как историку последовало у Гоголя в то время, когда в первой половине 1830-х гг. он сам стал преподавать всеобщую историю в двух учебных заведениях Петербурга — в Патриотическом институте благородных девиц (с 1831 по 1835 год) и в Императорском университете (с 1834 по 1835 год). Именно тогда Гоголь задумывает свои очерки о славянах и о единовластии, обращаясь при этом к школьному образовательному багажу и решая те же задачи воспитания юношества, которые ставились правительством перед его нежинскими наставниками. Следуя Карамзину и Орлаю, Гоголь в своей университетской лекции «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской им-

перии» (основу которой составил незавершенный славянский очерк), в частности, замечает о «древних обитателях восточной Европы» славянах:

Рассеянная жизнь, открытые пространства России, неимение никаких союзов и взаимной связи между племенами были причиной их непрерывных покорений многочисленными нациями, умевшими повиноваться одному вождю (VIII, 165).

Во всех исторических штудиях Гоголя мысль о пагубности разделений с настойчивостью повторяется применительно к самым разным историческим эпохам и государствам, к историям — русской, украинской, европейской, новейшей и древнейшей (включая библейскую), получая затем художественное воплощение в сцене пагубного разделения казаков на два ополчения под стенами осажденного Дубно [3, 5–7].

Так, в частности, содержание одной из заметок Гоголя, сделанной при чтении Карамзина, — «Обычай», прямо отзывается в реплике Данила Бурульбаша в повести «Страшная месть».

Эй, хлопец! — восклицает пан Данило. — Беги, малый, в погреб да принеси жидовского меду! <...> Что, Стецько, много хлебнул меду в подвале? <...> Эх, козаки! что за лихой народ! все готов товарищу, а хмельное высушит сам (I, 218).

В черновой редакции «верному хлопцу» Стецько принадлежала также реплика, которую он произносил после гибели пана Данила:

Я пойду, соберу наших. Ляхи уже услышали про наше горе и ворочаются назад. Сердце так <и> чувствует, что уже шумят они в подвале. Меды поотпечатаны, и вино хлещет из воронок¹⁷.

Обе реплики непосредственно перекликаются с содержанием заметки «Обычай»:

У князей бывало не мало богатства в подвалах, кладовых и погребах: железо, медь, вино, мед, на гумнах множества хлеба. У Святослава Черниговского, брата Игоря, нашли 900 000 скирд. <...> Меду в подвалах 500 берковцев и 80 корчаг вина¹⁸. <...> В междоусобных бранях обыкновенно дружина и вожди прежде всего старались овладеть кладовыми и погребами... (VIII, 63).

Настоящая заметка напрямую связана с размышлениями Гоголя о причинах замедления и «остановки» тогдашнего «хода развития» Руси, которую писатель усматривал в корыстолюбии соперничающих князей:

Уделами менялись и торговались, как воины своими оружиями. <...> Часто иные князья, когда нравился им чужой удел, изгоняли с сильною дружиною князя <...> Здесь-то нужно искать причины остановки хода развития в России (VIII, 62; заметка «Внутреннее устройство»).

Эти же представления отразились в строках первой главы «Тараса Бульбы» о «враждующих и торгующих городами мелких князьях» (II, 307), а также в знаменитой речи Тараса Бульбы о товариществе:

Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды, да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их... (II, 380).

Эти наблюдения составляют основу образа пана Данила в «Страшной мести» — который, с одной стороны, сетует, подобно Тарасу, на отсутствие «порядка» в Украине («...полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою»; I, 230), с другой — как неоднократно подчеркивает автор — сам не лишен корыстолюбия — главной причины внутренних раздоров.

Из «Истории государства Российского» почерпнуты Гоголем и строки в заметке «Обычай» об охотах князей:

В каждом уделе лучшая для князя прибыль были места для охоты, за них иногда переменили они уделы (VIII, 63).

Такая же оценка владельческой охоты встречается и в гоголевском конспекте 1834 года книги английского историка Г. Галлама «Взгляд на состояние Европы в Средние века»:

Вкус к охоте произвел презрение всех полезных занятий и угнетение крестьян. <...> Охота как вечный источник ссор между баронами (VIII, 308).

После детального знакомства с нелицеприятной картиной княжеских усобиц, изображенной Карамзиным, Гоголь во

второй редакции «Тараса Бульбы», говоря о происхождении казачества, к написанному ранее добавил:

Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных пса-рями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. <...> Гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа (II, 307).

Замечено, что называемое в повести число казацких куреней на Сечи — «шестьдесят с лишком» (II, 324) или 64, вместо реального и хорошо известного Гоголю по источникам, 38 — призвано прямо указывать на число российских губерний во времена Гоголя; петровское же разделение России на губернии прямо соотносится с образованием казацких куреней¹⁹.

В 1834 году Гоголь, в статье «Несколько слов о Пушкине», подводя итог своих размышлений об отечественной истории, замечал:

Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен... (VII, 276).

Другими словами, для Гоголя — молодого адъюнкт-профессора Петербургского университета — вся русская история до Петра, описанная Карамзиным (титул императора был принят в 1721 году Петром I; «История государства Российского» была доведена до 1611 года), оказывается, вследствие внутренних неурядиц и княжеских ссор, «скучной» и «бесцветной». «Скучно на этом свете, господа!» (II, 497) — таким восклицанием не случайно заканчивается гоголевская «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) (венчающая собой сборник «Миргород» — с его знаменитым «Тарасом Бульбой»). В Повести о ссоре имеются прямые хронологические указания на то, что начало многолетней судебной тяжбы героев приходится прямо на 1812 год — год всеобщего народного сплочения [9]. В своем «Введении в Древнюю историю» Гоголь,

говоря о соперничавших между собой древних «Греческих Республиках», в частности, замечал:

...Угрожал ли Греции какой-нибудь внешний неприятель <...> эти по-видимому разъединенные вечною ненавистью Республики кидали междоусобия и соединенным оружием, не дорожа ничем, защищали общее свое отечество (VIII, 82).

Однако занятые ссорой герои Гоголя о Двенадцатом годе даже не помышляют.

Еще один «наследник» княжеских междоусобиц обнаруживается у Гоголя в «Мертвых душах». Это воинственный помещик Ноздрев, любитель охоты, пиров и ссор. По наблюдению исследователя, реплика героя, показывающего гостям свои владения: «Вот граница!.. Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону... все мое» (V, 73), — невольно ассоциируется с речами враждующих удельных князей из «Слова о полку Игореве»:

...Рекоста бо брат брату: «се мое, а то мое же» [12, 131].

Становится, наконец, понятным, почему автор Повести о ссоре, сообщая в 1834 году М. А. Максимовичу о своем желании занять кафедру всеобщей истории в Киевском университете, восклицал:

Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю (X, 259; письмо от 28 мая).

Спустя две недели Гоголь пояснял:

Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке (X, 262; курсив наш. — И. В.).

Из дальнейших объяснений Гоголя следует, что, не желая посвящать себя курсу русской истории, он избегал этим отнюдь не банальной скуки, но куда более серьезного душевного испытания — возможной, вдали от близких людей, «сердечной тоски», связанной с этими лекциями:

...Оставляя Петербург, знаешь ли, что я оставляю? <...> ...Здесь всё, что <...> мило моему сердцу; люди, с которыми сдружился... <...> Бросивши всё это, нужно стараться всеми силами заглушить

сердечную тоску; нужно отдавать всеми мерами то, что может вызывать ее (X, 262–263).

Речь в письме идет, очевидно, о той же самой «сердечной тоске», что звучит и в заключительном «скучно» Повести о ссоре, — а это, конечно, придает неожиданное освещение содержанию этой «бытописательной» повести²⁰.

Мыслью об отсутствии в «доимператорской» русской истории объединяющего единодушия проникнуто у Гоголя и горько-ироническое замечание в черновой редакции повести «Портрет» 1834 года о затруднительности для рассказчика «перечсть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю»²¹. Строки эти относятся в повести к «пошлым» обитателям петербургской Коломны, описать которых автору, согласно окончательной редакции фразы, «так же трудно», как (приводим исправленный текст) «поименовать всё то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе»:

Старухи <...> старухи <...> старухи <...> которые <...> таскают с собою старые тряпья... (VII, 306).

Эти слова 1834 года вновь обращают нас к появившимся позднее образам гоголевских «мертвых душ» — на этот раз к образу похожего на ключницу старика Плюшкина, тем более что с насекомыми, зарождающимися в «старом уксусе», прямо перекликается находящаяся в его заваленной хламом комнате «рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом» (V, 112). Значимо здесь, безусловно, не только то, что Плюшкин, забыв свое настоящее призвание, занимается мелочами, «мухами» («...У меня был славный ликерчик... <...> Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул...»; V, 122), но и то, что ссорящиеся между собой помещенные владетели, «наполняющие Русскую историю», косвенно уподобляются мелким насекомым.

В том же 1834 году в статье «Взгляд на составление Малороссии», говоря о раздорах русских князей в XIII веке — в эпоху «Слова о полку Игореве» — и размышляя о неумении, «незнании» настоятелей и митрополитов, «как схватить

с помощью <...> веры власть над народом», «настроив» его «к великому», Гоголь замечал:

Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств, единоверных, одноплеменных, одноплеменных, означенных одним общим характером и которых, казалось, против воли соединяло родство, — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. <...> Это был хаос браней за временное, за минутное — браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманских князьях (VII, 160).

Подобно тому, как несчастья и страдания, выпавшие в ту пору на долю народа в Южной России, породили запорожское казачество — и возглавивших его гетманов, так же, по Гоголю, позднейшие преобразования Петра I не только привели к образованию слаженного «организма управления губерний» («слышно, что Сам Бог строил незримо руками Государей»; VI, 144), но и «огнем бед» высекали из народной груди бесчисленные искры блестящих талантов (II, 307; V, 162). По словам Гоголя, в эпоху продолжительницы Петра Екатерины II, «царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений», «на всех поприщах стали выказываться русские таланты»: полководцы, государственные деятели, дипломаты, словесники, ученые и поэты (VI, 158–159).

Размышлениями о значении послепетровской эпохи в формировании русского характера пронизана и сама гоголевская концепция развития русской поэзии, изложенная в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Здесь Гоголь в числе источников самобытной русской поэзии и своего творчества — служащих к «построению» русского человека — указывает пословицы и слово церковных пастырей, народную песню и церковные песни и каноны (VI, 155–156, 195), и наряду с этим — важнейшее политическое событие в истории России — принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства. Именно это событие, над которым Гоголь размышлял еще в 1834 году, породило, по его

словам, «верховный лиризм» одической поэзии Ломоносова и Державина и поставило Россию перед лицом ее истинного призвания — быть Священной Империей, главным назначением которой является «стремленье к свету» (VI, 157), т. е. спасение душ подданных, «приближенье инога Царствия» (VI, 41). В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь замечал:

Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного... (VI, 46).

В статье «О сословиях в государстве» (1845), предварявшей создание «Выбранных мест...», Гоголь, следуя переложению слов летописи Карамзиным в «Истории государства Российского», писал:

История государства России начинается добровольным приглашением верховной власти. «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть нами»... (VI, 316).

С этими размышлениями связано и пророческое восклицание Тараса Бульбы в заключении повести:

...Подыметя из Русской земли свой царь!.. (II, 413).

(Еще ранее Гоголь воплотил эти же размышления в «Страшной мести», в сетованиях пана Данила.)

Подчеркнем еще раз: мысли о созидательной роли двух начал в формировании русского характера — самобытной поэзии и единой державы, устремляющих народ «к великому», — были высказаны Гоголем еще в 1834 году в статье о Пушкине:

Пушкин <...> это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. <...> Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость... (VII; 274, 276).

Не случайно и то, что давнишний гоголевский рассказ о том, как «два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою <...> за вздор, за гусака» (II, 464), неожиданно отзывается в заключительной главе первого тома «Мертвых душ» в упоминании о ссоре Чичикова с его приятелем:

...Чиновники <...> поссорились ни за что. Как-то <...> Чичиков назвал другого чиновника поповичем... (V, 229).

Очевидно, что Гоголя, как при создании Повести о ссоре, в работе над поэмой также не оставляла мысль о прекращении на Руси всевозможных усобиц — и о возрождении ее душ чрез «соприкосновенье» с вдохновляющей силой монарха — «верховодца верховного согласия» — «Божьего помазанника, обязанного стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог» (VI; 43, 44; «О лиризме наших поэтов»). По свидетельству архимандрита Феодора (Бухарева), беседовавшего с Гоголем о продолжении «Мертвых душ», именно царь должен был послужить будущему нравственному перерождению Чичикова:

...Оживлению его послужит прямым участием сам Царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма²².

Ко времени 1830-х гг., т. е. к периоду начала работы над «Мертвыми душами», относится и следующее размышление Гоголя:

Божественный Учитель и Спаситель наш, первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божественные мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов. <...> И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание. И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить <...> какую-нибудь мысль... (VII, 495).

Последние строки еще раз свидетельствуют не только о глубоко сознательном характере гоголевского творчества, но и о прямом влиянии на Гоголя как художника его занятий историей. Закономерно поэтому, что именно в изучении исторических взглядов Гоголя открываются перспективные подходы к постижению замысла главного гоголевского творения [6]. Такое направление поисков как бы изначально «задает» задолго predeterminedный самим автором финал поэмы. Вряд ли на заключительных страницах первого тома «Мертвых душ» могло появиться столь вдохновенное «лирическое отступление» — до слез «пронимающее» самого авто-

ра, — если бы в свое время Гоголь не отдал дань изучению славянской и русской истории по Карамзину:

...Может быть, в сей же самой повести почувются иные, еще доселе не бранные струны... <...> Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов... [Брызнут, брызнут слёзы...] Но к чему и зачем говорить о том, что впереди? (V, 215–216)²³.

Примечания

- ¹ Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, цитируется по: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009–2010. Номер тома и страницы указывается в круглых скобках после цитаты.
- ² *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). Париж, <1926>. С. 63; *Зеньковский В.*, проф., прот. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>. С. 205.
- ³ *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 494–495, 526–527, 554–556, 559–561, 569–574, 577, 580–581, 591–606
- ⁴ Имеется в виду шестнадцатитомная «Римская история», первые девять томов которой были написаны французским историком Ш. Ролленом (Ch. Rollin, 1661–1741), остальные тома — его учеником Ж. Б. Л. Кревье (J. B. L. Crevier, 1693–1765): *Histoire romaine, depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium: c'est-à-dire jusqu'à la fin de la République* (Paris, 1738–1748). В XVIII в. это издание было переведено В. К. Тредиаковским, слушавшим лекции Роллена в Париже: *Римская история, от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончание Республики, сочиненная г. Ролленом, преждебывшим ректором Парижского университета, профессором красноречия и членом Королевской академии надписей и словесных наук. А с французскаго переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского, профессора и члена Санктпетербургской Имп. Академии наук* (СПб., 1761–1767. Т. 1–16). «Продолжением истории Роллена Кревье» может считаться также двенадцатитомная «История о римских императорах» Кревье: *Histoire des empereurs des Romains, depuis Auguste jusqu'à Constantin* (Paris, 1749–1756). Из этого издания тем же

- Тредиаковским были переведены только первые четыре тома: История о римских императорах, с Августа до Константина, сочиненная г. Кревиером, учеником Ролленевым, и самым заслуженным профессором красноречия. А с французского переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского, надворного советника (СПб., 1767–1769. Т. 1–4). Возможно, Кукольник и Редкин, не без подсказки Орлая, занимались переводом одного из тех последующих восьми томов «Истории о римских императорах» Кревье, которые не успел перевести Тредиаковский.
- 5 Имеется в виду «Руководство к познанию Всеобщей политической Истории, сочиненное Профессором Императорского Царскосельского Лицея Иваном Кайдановым» (СПб., 1821. Ч. 1–3; с синхронистическими таблицами; 2-е изд. вышло в 1823 г.)
 - 6 *Кукольник Н. И. С.* Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 75, 77.
 - 7 *Недзельский Е.* Очерк карпато-русской литературы. Ужгород, 1932. С. 112.
 - 8 *Мурзакевич Н. Н.* Автобиография. СПб., 1889. С. 79.
 - 9 *Орлай.* История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся // Северный Вестник. 1804. № 9. С. 293.
 - 10 <Погодин М. П.> Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу, с 3 июня 1806 по 1826 год // Москвитянин. 1855. Т. 1. № 1. С. 84; *Саитов В. И.* Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826) // Русская Старина. 1899. № 1. С. 222.
 - 11 Там же.
 - 12 *Жаркевич Н. М., Кирилюк З. В., Якубина Ю. В.* Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828) // Гоголеведческие студии. Нежин, 2002. Вып. 8. С. 59.
 - 13 *Карамзин Н.* История государства Российского. Издание второе, исправленное. СПб., 1818. Т. 1. С. 32.
 - 14 Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. В 3 т. / Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2011. Т. 1. С. 558, 577.
 - 15 <Уваров С. С.> Попечитель Санктпетербургского Учебного Округа. О преподавании Истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 2.

- ¹⁶ Жуковский В. А. План учения Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 9. С. 146.
- ¹⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Ю. Винницкий, Е. Е. Дмитриева, Ю. В. Манн, К. Ю. Рогов. М., 2003. С. 478.
- ¹⁸ Берковец — русская мера веса в десять пудов. Корчага — «большой сосуд», «глиняный горшок» (9, 464; гоголевский «объяснительный словарь» русского языка).
- ¹⁹ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994. Т. 1–2. С. 453–454.
- ²⁰ Христианский замысел и прообразовательный характер «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» хорошо почувствовал преподобный Варсонофий Оптинский, который в 1911 г. в беседе с духовными чадами, в частности, замечал: «У Гоголя есть рассказ "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". В нем описывается, как из-за ничтожной причины два приятеля поссорились на всю жизнь. Они истощили все свои средства на суды, дошли до бедности, лишь только бы обвинить один другого. Печальная история! В конце повествования автор добавляет: "Скучно жить на этом свете, господа". Сейчас мы переживаем лютые времена. Люди восстают один на другого, не щадя ни родства, ни дружбы; восстают против законной власти. Все попрано — вера, добродетель, стыд. Не скучно, а страшно жить на этом свете, господа!» (*Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2005. С. 119).
- ²¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 3 / Тексты подготовила Л. В. Дерюгина; Коммент. подготовили С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. М., 2009. С. 336.
- ²² <Феодор (Бухарев), архимандрит>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861. С. 138. См. так же: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. / Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2013. Т. 3. С. 708
- ²³ Заключенный в квадратные скобки вариант черновой редакции впервые опубликован: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 7. Кн. 2 / Тексты и коммент. подготовили Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супрунчук, А. С. Шолохова. М., 2012. С. 224.

Список литературы

1. *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000. 448 с.
2. *Виноградов И. А.* Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001. Вып. 7. С. 77–93.
3. *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы Н. В. Гоголя // Неизданный Гоголь. М., 2001. С. 3–38.
4. *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 14–55.
5. *Виноградов И. А.* Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // Язык классической литературы: Доклады международной конференции / Ин-т мировой литературы им. М. Горького; Моск. гос. гуманитарный ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2007. Т. 1. С. 5–24.
6. *Виноградов И. А.* Обретение жанра: Народная песня и «Тарас Бульба» Гоголя // Н. В. Гоголь и народная культура: Седьмые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции. М., 2008. С. 62–80.
7. *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 30 марта — 1 апреля 2012 г. Новосибирск, 2012. С. 20–27.
8. *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.
9. *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 91–140.
10. *Линтур П. В.* Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века // Наукові записки Ужгородського державного університету. 1956. Т. 20. С. 131–146.
11. *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. 175 с.

Igor' Alekseevich Vinogradov

*Ph.D., Professor Senior Researcher,
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

info@imli.ru

N. V. GOGOL AS SLAVOPHILE: THE SLAVIC THEME IN THE WRITER'S HERITAGE

Abstract. It is well known that P. J. Chaadaev's, a famous Russian thinker of 19th century, assessment of the present-day reality was determined by the study of world and Russian history. But it is not notorious that Gogol was keen on studying of history since his childhood and that his enthusiasm for history seriously affected his literary and publicistic works. Unfortunately, for a long time scholars have not devoted enough attention to the impact of Gogol's interest on his artistic images. The article is one of the first attempts to fill this vacuum and show how the study of the Slavic and Russian past (the source of information for the writer mainly was *The History of Russian State* by Karamzin) impacted the writer's vision of the present and the future of Russia as well as the reflection of it in his writings: in stories *A Terrible Vengeance*, *Taras Bulba*, *The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich* and in the main his novel — *Dead Souls*.

The content of historical works of Gogol, his lectures and individual sketches allow us to say that the most sensitive "pain spots" in the writer's perception of national history was an experience of a well-known phenomenon — the princely mutual feuds, often destroyed the Russian and Slavic unity. Peculiarity of Gogol as a writer, as a Christian author, was in the fact that, perhaps, no one experienced this sad *locus communis* of Old Russian past so deeply and keenly as he did. The article shows on the extensive material that the problem of overcoming the internecine conflicts, being important for the building of the Russian and Slavic world, worried about Gogol throughout his life and became one of the main and key themes in his writing.

Keywords: Gogol, Christianity, history, slavophilism, slavdom, literature, society, biography, sacred prose, interpretation.

References

1. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': khristianskie osnovy mirosozertsaniya* [Gogol — artist and thinker: the Cristian foundations of outlook]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature "Nasledie" Publ., 2000. 448 p.
2. Vinogradov I. A. Istoricheskie vozzreniya Gogolya i zamysel poemy «Mertvye dushi» [Gogol's historical views and the intention of the novel *Dead Souls*]. *Gogolevedcheskie studii* [Gogol studies]. 2001, issue 7, pp. 77–93.

3. Vinogradov I. A. Neizvestnyye avtografy N. V. Gogolya [The unknown autographs of N. V. Gogol]. *Neizdannyy Gogol' [The unpublished Gogol]*. 2001, pp. 3–38.
4. Vinogradov I. A. «Neobyknovennyy nastavnik»: I. S. Orlyay kak prototip odnogo iz geroev vtorogo toma «Mertvykh dush» [“An extraordinary mentor”: I. S. Orlyay as a prototype of one of the heroes of the second volume of *Dead Souls*]. *Novye gogolevedcheskie studii [New Gogol studies]*. 2005, issue 2 (13), pp. 14–55.
5. Vinogradov I. A. Gogol' i slavyanstvo (K probleme yazykovogo edinstva slavyan) [Gogol and slavdom (To the problem of the linguistic unity of the Slavs)]. *Yazyk klassicheskoy literatury: doklady mezhdunarodnoy konferentsii [The language of classical literature. Reports of the International conference]*. Moscow, 2007, vol. 1, pp. 5–24.
6. Vinogradov I. A. Obretenie zhanra: Narodnaya pesnya i «Taras Bul'ba» Gogolya [Finding the genre: folk Song and Gogol's Taras Bulba]. *N. V. Gogol' i narodnaya kul'tura: sed'mye Gogolevskie chteniya [Nikolai Gogol and popular culture: the seventh Gogol readings]*. Moscow, 2008, pp. 62–80.
7. Vinogradov I. A. Gogol' o edinstve slavyan [Gogol about the unity of the Slavs]. *Gogol' i traditsionnaya slavyanskaya kul'tura. Dvenadtsatye Gogolevskie chteniya [Gogol and traditional Slavic culture. The twelfth Gogol readings]*. 2012, pp. 20–27.
8. Vinogradov I. A. Spor K. S. Aksakova i V. G. Belinskogo: kul'turno-istoricheskie aspekty polemiki o zhanre «Mertvykh dush» [The discussion between K. S. Aksakov and V. G. Belinsky. Cultural and historical aspects of the controversy about the genre of *Dead Souls*]. *Gogolevedcheskie studii [Gogol studies]*. Nezhin, 2012, issue 2 (19), pp. 17–75.
9. Vinogradov I. A. 1812 god i «Taras Bul'ba»: proshedshee i nastoyashchee v zamysle N. V. Gogolya [1812 and Taras Bulba: past and present in the intention of Nikolai Gogol]. *1812 god i mirovaya literatura [1812 year and world literature]*. 2013, pp. 91–140.
10. Lintur P. V. Vliyaniye russkoy literatury na tvorchestvo zakarpatskikh pisateley XIX veka [The influence of Russian literature on work arts of Western Carpathians writers of the 19th century]. *Naukovi zapiski Uzhgorod's'kogo derzhavnogo universitetu [Наукові записки Ужгородського державного університету]*, 1956, vol. 20, pp. 131–146.
11. Medrish D. N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki [Literature and folk tradition. The questions of poetics]*. Saratov, Saratov State University Publ., 1980. 175 p.